

Как видно из выявленных нами факторов пространственно-временных интерпретаций, многообразные факторы пространственно-временных интерпретаций А. Я. Гуревич подходил к решению этой проблемы многополярно, что приводит к наиболее целостному определению глубинных пластов сознания людей средневековья.

Целостная картина восприятия пространства и времени выстраивается в результате обращения исследователя к более ранним стадиям развития западноевропейской культуры, благодаря чему выявляются глубинные пласты сознания, влияющие на ментальность людей последующего периода (средневекового), а также с учетом взаимодействия особенностей мышления и мировоззрения образованной и безграмотной части населения.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. СПб.: Alexandria, 2009. 492 с.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984. 285 с.
3. Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
4. Шмидт Ж. -К. А. Я. Гуревич и «категория» времени // Образы прошлого: сборник памяти А. Я. Гуревича / под ред. С. Я. Левит. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 42–56.
5. Gurevich A. Approaches of the “Annals School” From the History of Mentalities to Historical Synthesis. From the History of Mentalities to Historical synthesis // Scandia. 2008. Vol. 58, № 2. P. 141–150.

References

1. Gurevich A. J. *Individ i cocium na Srednevekovom Zapade* [The individual and society in the Medieval West]. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2009, 492 p.
2. Gurevich A. J. *Kategorii srednevekovoi culture* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Art Publ., 1984, 285 p.
3. Gurevich A. J. *Srednevekovi mir: kultura bezmolstvuyushchego bolshinstva* [The medieval world: the culture of the silent majority]. Moscow, Art Publ., 1990, 396 p.
4. Schmid. A. J. Gurevich i “categoria” vremeni [A. J. Gurevich and “category” of time]. *Images of the Past: Memory Collection Gurevich A. J.* St. Petersburg, 2011, pp. 42–45.
5. Gurevich A. Approaches of the “Annals School” From the History of Mentalities to Historical Synthesis. From the History of Mentalities to Historical synthesis. *Scandia*, 2008, vol. 58, no. 2, pp. 141–150.

ЧУЖОЙ КАК МОНСТР: ОБРАЗ РОССИИ В ЗАПАДНОМ ДИСКУРСЕ

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, Татищева, 20а, E-mail: aromanova_mail@mail.ru
Холова Любовь Александровна, магистрант, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, Татищева, 20а, E-mail: afalina-morskaya@yandex.ru

Оппозиция «Свой – Чужой» лежит в основе любых межкультурных коммуникаций. Она разворачивается в достаточно сложную цепочку отношений «Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр», где выбор образа коммуниканта зависит от многих обстоятельств. Немаловажную роль в этом процессе играют стереотипы представления о чужих культурах. При определенных обстоятельствах они могут отражать всю палитру образов цепочки «Свой – Монстр», где последний является квинтэссенцией негативного отношения к Чужому. Монстр, представленный чаще всего в зооморфных образах, воплощает наши страхи. Целью данной статьи является выявление стереотипных представлений о России, в которых образ Чужого превращается в свою крайнюю форму – монстра. Основным методом исследования является феноменологический анализ, для которого были взяты наиболее употребимые и одновременно яркие и информативные формы монструозных стереотипных представлений о России – спрут и медведь. Эти образы иллюстрируют отношение к нашей стране как к непредсказуемой, способной задушить в объятиях, нестабильной, иррациональной, и тем самым очень опасной.

Ключевые слова: свой, чужой, идентичность, монстр, стереотип, образ

ALIEN AS A MONSTER: IMAGE OF RUSSIA IN THE WESTERN DISCOURSE

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Kholova Lyubov A., graduate student, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: afalina-morskaya@yandex.ru

“Own – Alien” opposition lies at the heart of any intercultural communications. It becomes a rather complicated chain of interrelated concepts “Own – Different – Alien – Enemy – Monster” wherein the choice of communicant's image depends on many circumstances. Notion stereotypes about foreign cultures play by no means important role in this process. They may show the range of images “Own – Monster” under certain circumstances wherein the Monster is a quintessence of a negative attitude towards the Alien. The Monster, represented in zoomorphic images, carries out our fears. The objective of this article is a determining of stereotyped images about Russia wherein the Alien image changes into its extreme form – the Monster. The main method of research is phenomenological analysis. We used the most common, vivid and meaningful forms of monstrous images about Russia. They are an octopus and a bear. These images show the attitude towards our country as an unpredictable, that is able to hug to death, unstable, irrational, thus, dangerous one.

Keywords: own, alien, identity, monster, stereotype, image

В основе межкультурных коммуникаций всегда лежит оппозиция «Свой – Чужой». Она разворачивается в достаточно сложную цепочку отношений «Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр», где выбор образа коммуниканта зависит от многих обстоятельств. Немаловажную роль в этом процессе играют стереотипы представления о чужих культурах.

На формирование образа любой страны влияет очень много факторов: географическое местоположение, территория, демографическая ситуация, история, соотносительные политические позиции по отношению к другим странам: союзник, противник, нейтралитет. В результате складывается образ, как правило, не совпадающий с самоидентификационным. Все эти образы с течением времени претерпевают изменения. Во время межгосударственных конфликтов для внутреннего и внешнего потребления создается образ Чужой этнической общности как варварской, жестокой, все члены которой наделены всеми мыслимыми пороками. Этот образ распространяется обычно на всех без исключения представителей другой национальности. Есть примеры и по созданию положительного имиджа другой страны. Происходит это тогда, когда после долгих лет вражды прежний противник превращается в союзника.

Категорию «образ» можно использовать для обозначения устойчивой совокупности представлений, которые координируют и регулируют взаимодействие индивида с явлениями внешнего мира. Образ включён в систему жизненных отношений между человеком и миром. По-другому, образ – это набор ожиданий. В соответствии с ним усматриваются, отбираются, группируются и комментируются факты. В этом случае образ играет роль структурного принципа, который гарантирует целостность всей системы восприятия. Образ размещается в тех глубинах индивидуального, группового и корпоративного сознания, которые обозначаются понятиями «менталитет» и «архетипы».

Одной из функций этнических стереотипов является четкое отделение Своего от Чужого. Образы Чужого, как правило, имеют реальные основания в историческом прошлом и настоящем. Этнический стереотип ориентируется на некий идеальный образ народа, к которому обычно приближается образ «своего» народа. Образ же «чужого» народа может быть нейтрален по отношению к идеалу или, в случае непосредственного военного столкновения, превращаться в абсолютный антиидеал [1].

«Свой» – «Чужой» – «Монстр». Проблема «чужого» стала объектом философского активного дискурса в XX в. Философия в рамках феноменологии и экзистенциализма разработала концепты Другого, Чужого,

Иного. Однако еще античная философия обращалась к проблеме «чужого» в трудах Платона и Аристотеля. В западной философии Нового времени проблематикой «чужого» занимались Ж.-Ж. Руссо, И. Кант и И. Г. Фихте. Это было связано с необходимостью формирования нравственного отношения к людям чужой религии, нации, культуры. Проблема изучения образа Чужого становится одной из ключевых в современном социогуманитарном знании. Ее актуальность обусловлена не только необходимостью межкультурного диалога, но и различными культурными угрозами, культурными войнами, являющимися сегодня чуть ли не обязательным условием конструирования пространства межкультурного взаимодействия.

В английском и французских языках термин “stranger” и “étranger” носят негативный характер и переводятся как «незнакомый», «посторонний», «инородный» и «чужой». В русском языке слово «чужой» синонимично следующим понятиям: чуждый, чужеземный, чужестранный, иноземный, иностранный, заграничный, заморский, закордонный, зарубежный, внешний, экзотический; непричастный, (по)сторонний, побочный, придаточный, навязанный; пришлый, привходящий, пригильный, приезжий, залетный, наносный, вводный [2].

В конструкте «враг» отражается наивысшее проявление «чуждости», причем разница между двумя образами заключается в мотиве насилия при их описании. Если в конструкте «чужого» насилие имеет дополнительный или частный характер, то в образе «врага» проблема насилия становится одной из самых главных, например, в виде темы войны или агрессии.

Понятие «монстра» является практически идентичным понятию «враг», хотя конструкт «монстра» используется скорее для описания части «врагов», наиболее «ужасных» из них в физическом или моральном плане [3].

В более ранней работе мы выделяем следующие признаки, по которым осуществляется конструирование образа Чужого: внешность (телесность), алиментарные характеристики, вестиментарная культура, сексуальные традиции [4].

Образ Чужого является своеобразной рефлексией, отражающей наши страхи, предпочтения или скрытые желания, которые выплескиваются в метафорической форме, призванной утилизировать различные аспекты Чужого, низвести их до уровня, позволяющего трансформировать его онтологические характеристики в аксиологические.

Оппозиция «Свой – Чужие» формируется на разных уровнях. В повседневной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре картину мира, ценности, мировоззренческие установки: «В условиях развитого международного обмена преобладает система дифференцированных оценок, когда одни черты собственной этнической группы и ее культуры оцениваются положительно, а другие – отрицательно... люди в принципе способны критически отнестись к своей национальной культуре и положительно оценить что-то чужое» [5, с. 304–324]. Оппозицию «Свой – Чужой» можно разворачивать в разных вариантах, в том числе, например «Свой – Чужой – Враг – Герой – Покровитель» [6, с. 69–72].

Отечественные авторы показывают, что этнические стереотипы и этническая дискриминация во многом базируются на функционировании в индивидуальном и коллективном сознании бинарных оппозиций «Мы – Они», «свой – чужой», «Друг – Враг». Отмечено, что образы, представления о Другом человеке в категориях «свой – чужой», «Враг|Монстр – Друг» определяют взаимодействие с ним, дружественные или враждебные отношения, категоризацию партнера по общению.

Мы возьмем за основу предложенную ранее нами цепочку образов «Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр», ибо нас интересует прежде всего ее крайняя ипостась – монстр.

Согласно М. Фуко, история восприятия «монстров» в средневековой Европе отражает отношение к девиантным «иным» в настоящее время. К классическим монстрам средневековой Европы Фуко относит «донестров» (donesters), мифических существ с чертами человека и животного [7].

Несмотря на то, что «донестры» в период Нового времени стали рассматриваться просто как миф, в военной пропаганде XX в. для описания «врага» часто использовались образы гибридных чудовищ с признаками различных хищных или «мерзких» животных (скорпионы, змеи, пауки и т.д.). Более того, в русском языке даже есть понятие «гадина», которое использовалось во время Второй мировой войны по отношению к немецкой армии («Бе фашистскую гадину!») [8, с. 191–230].

В книге «Возлюби свой симптом» (1992) философ Славой Жижек определил монстра как недостающее, фантазматически представленное звено, связующее культуру и природу [9, с. 136].

В условиях массовой культуры (и особенно в современном кинематографе) образ чужого приобретает особое значение, становясь действительно культовым.

Чужой воплощается в вымышленных образах, которые можно и нужно ненавидеть: вампир, зомби, вервольф, инопланетный монстр, антропоморфный киборг и многое другое [10, с. 236–239]. Уподобление Чужого зооморфной нечистой силе может иметь глубокие психологические корни в самой ранней эпохе первобытности. В истории человеческой культуры есть момент, когда «невыделение из природы» сменяется противопоставленностью ей, а фигура животного – именно в силу его «партнёрской» близости к человеку и морфологического сходства с ним – способна породить жуткий демонический образ «чужого в своём»: природного, звериного.

«Монструозность» как феномен создается в мифологии, в средневековых письменных текстах, также в современных текстах, создаются словари, воссоздается традиция создания монстров. Вместе с тем существуют вербальные и визуальные репрезентации монстров. С развитием кино и анимации монстры и сюжеты с их участием быстро проникают в новый анимационный вид искусства, оставаясь также объектом научных исследований. В эпоху постиндустриальной культуры монстры как проявление маргинальных и альтернативных культурных идентичностей становятся мейнстримными героями.

Монструозность в условиях политической корректности, толерантности, мультикультурализма, которые сформировались на фоне глобализации в эпоху постиндустриального и информационного общества становится вполне нормальным феноменом и в связи с этим «монстр» так близко подобрался к человеку, что практически слился с ним.

Восприятие России в образе монстра. Люди неизбежно воспринимают и оценивают чужие обычаи, традиции, формы поведения сквозь призму своих собственных обычаев и традиций, знакомых им с детства. Это происходит помимо их воли, на подсознательном уровне. Враждебность в человеческом сообществе связывается с чужеродностью (принадлежностью к иной стае). Чужак – заведомый источник опасности, страха.

В сегодняшней России рост ксенофобии и нетерпимости замечен невооруженным взглядом. Расовые, национальные и конфессиональные конфликты множатся, и далеко не всегда они вызваны реальными противоречиями.

Настойчиво формируемый «образ врага» в действительности является пропагандистским мифом, «пустышкой», политическим приемом, призванным отвлечь людей от реальных проблем, предъявить им вымышленных виновников их тяжелого положения. Восприятие России европейскими государствами неоднократно изменялось в критические моменты, в условиях войны, выбора того или иного военно-политического союза. Однако уже с В XIX в., когда Россия превращается в мощную державу и конкурирует за мировое господство – два образа становятся ведущими для изображения России Западом в политической карикатуре и политическом дискурсе – спрут и медведь.

Надо сказать, что образ спрута применим не только к России, но использовался на протяжении долгого времени по отношению к другим странам-агрессорам. Стоит отметить американскую карикатуру, изображающую Джона Буля (Англия) в виде Имперского спрута (осьминога), протянувшего свои щупальца к различным регионам. Джон Буль, или Джон Бык представляет собой собирательный образ типичного англичанина, чаще используемый для изображения Великобритании в целом. В 1944 г. Пэти Кили в антияпонском постере рисует Японию Спрутом с лапами простирающимися до Индонезии. Применяется этот образ и к отдельным социальным институтам. Достаточно вспомнить одноименный итальянский сериал о мафии.

Однако на Западе Россия уже почти 150 лет воспринимается как всеудушующий спрут (осьминог).

Начиная с середины XIX в., как только Россию назначили после подавления европейских революций 1848 г. мировым жандармом, её образ стало принято рисовать в виде спрута. Осьминог и тогда, и тем более в Средние века представлял архетипом тёмной стороны Вселенской Матери, уничтожающей Эго человека. Отрицательные характеристики спрута были перенесены Западом на Россию.

Чаще всего образ вражеской России иллюстрированный спрутом использовался и используется в политической карикатуре западных стран, где Россия это демонический «Другой», хищник, стремящийся накрыть своими щупальцами всю территорию Европы и добраться до Соединенных Штатов Америки.

После 1917 г. американские карикатуристы активно интегрировали в свои тексты анималистические образы Советской России. Причем на смену Русскому Медведю пришли змея, как изначальный символ Зла, спрут, крыса, стервятник [11, с. 210–213].

Обязательной атрибутикой карикатур, связанных с международными отношениями, является наличие в них национальных символов, выполняющих важную смысловую нагрузку, в данном случае часто используется красный цвет, символика СССР (красная звезда, серп и молот), российский двуглавый орел, государственный флаг.

С образом спрута идентифицируется не только Российское государство в целом, но его знаковые фигуры.

Президентство и усиление мирового влияния личности Владимира Владимировича Путина привело к демонизации образа российского президента [12, с. 786–796]. Появление карикатур, где Россия продолжает быть в образе монструозного спрута с головой В. В. Путина, держащего российский флаг и направившего вражеские щупальца на территории близлежащих европейских государств, доказывает развитие тенденции восприятия Западом России как угрозы.

Путин, персонифицирует Русское Зло, предстает в карикатуре либо монстроподобным спрутом, либо человеком, управляющим медведем. Если спрут – это однозначно отрицательный образ для России, то медведь амбивалентен.

Для русских медведь как тотемное животное имеет свои позитивные характеристики. Для запада это монстроозный образ. «Для западных политиков это усвоено, наверное, на генетическом уровне – Россия, причем с любым общественным строем и кто бы ее ни возглавлял – царь-батюшка, генеральный секретарь или президент – априори является империей зла» [13].

Образ «Россия-медведь» на Западе отражал варварство, агрессию, лень. Как правило, с медведем отождествляется вся империя и чаще всего он становится символом только архаичной и отсталой России, которую безуспешно пытается реформировать просвещенная власть. Это вызывает у европейцев как чувство собственного цивилизационного превосходства, но также страх. Политические карикатуры, использующие образ “Russian bear”, транслируют агрессивность, хищность, необузданный аппетит и характер России по отношению к Западному миру. В сочинениях европейских авторов образ «русского медведя» появляется в XVII в. [14]. Итальянец Франческо Альгаротти Россию предлагает уподобить «огромному белому медведю, стоящему задними лапами на берегу Ледовитого океана, с хвостом, опущенным в воду, с мордой у Турции и Персии, в то время как его передние лапы распростерты на запад и восток». Альгаротти опирается на мнение европейских политиков, предупреждающих тех, кто собирается дразнить этого медведя, и вспоминает Карла XII, который начал травить зверя, в результате чего тот поглотил часть его государства и превратился в ужас Европы [15, с. 65].

Чаще всего медведь для обозначения России используется в западных странах, особенно в Британии, и не всегда в положительном значении: иногда это сравнение подразумевает, что Россия – это «большая, неуклюжая и жестокая» страна [16, с. 195–211]. Иногда изображение медведя как символ и олицетворение России используется и самими россиянами (особенно широко в XX в.). К примеру, символом Летних Олимпийских игр 1980 г. в Москве стал Олимпийский Мишка, который был полной противоположностью «страшному русскому медведю». Позднее медведь стал символом крупнейшей политической партии страны «Единая Россия» [17, с. 19–35].

«Русский медведь» – достаточно старый русский символ, за которым закреплены такие характеристики русских и России, как агрессивность и варварство [18, с. 335–337]. Необузданность медведя с открытой рычашей и зубастой пастью внушает призвана вызывать отторжение, ужас и неприятие у западного человека и проецировать отношение к России как к вражескому объекту, требующий принятия мер и ликвидации зла. «Русский медведь» был призван служить маркером пограничности, отделяющей «цивилизованный» Запад от «варварской» России. Сама идентичность Запада конструируется через исключение России [19] и, очевидно, образ «русского медведя» играет важную роль в формировании и подтверждении положений и о цивилизационной чуждости России, и об ее отсталости.

Таким образом, существующие стереотипы и метафорические представления о России носят в большинстве своем отрицательный характер. Объяснить это можно также тем, что важную роль в восприятии той или иной страны или народа играют топологические факторы: близость/пограничность/дальность. Часто близость и пограничность усиливает остроту восприятия «других», даже соседей, близких по своим корням (например, восприятие России в Польше или Польши в России).

Самый популярным и востребованным стереотипным персонажем в западном информационном дискурсе стал Монстр в виде спрута или медведя.

Оба образа представляют собой реально опасных хищных животных, мифологизированных, а в случае с медведем – тотемных для народов Русского Севера. И тот и другой в мифологии и эпосе представляется огромным, поглощающими в своих объятиях корабли, людей, а в случае России – другие народы и государства. В рамках данных стереотипов России приписываются следующие качества: непредсказуемость, нестабильность, иррациональность, неспособность к самоконтролю, неумеренность во всем: доброта и милосердие и те вызывают страх, ведь даже с самыми благими намерениями Россия может заключить Запад «медвежьих объятиях» и держать его под контролем. В этот образ «гармонично» вписывается и так называемая «аннексия Крыма».

В настоящее время освещение России в западной прессе носит в основном негативный характер. На Западе сложился определенный набор устойчивых представлений, формирующий общественное мнение в отношении новой России, ее деловых кругов. Эти стереотипы оказывают серьезное влияние на политику развитых стран Запада по отношению к пост-коммунистической России. Увеличивающаяся антироссийская пропаганда продолжает представлять Россию в образе монстра пытающегося растерзать Украину

когтями и клыками, а Западную Европу – «рукой помощи», формируя «враждебный пояс» демократических стран вокруг несвободной России-Спрута.

Список литературы

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Чужой / под ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999.
2. Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага / Л. Гудков, Н. Кондратова. М.: ОГИ, 2005. С. 191–230.
3. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Л. Гудков, Н. Кондратова. М.: ОГИ, 2005.
4. Журавлёва В. И., Фоглесонг Д. С. Конструирование образа России. С. 210–213.
5. Кон И. С. Социологическая психология. Воронеж, 1999. С. 304–324.
6. Курнаева Н. А., Рябов О. В. Свои и Чужие в идентификационных стратегиях интеллигентского дискурса // Интеллигенция XXI века: Тенденции и трансформации. Иваново, 2003. С. 69–72.
7. Де Лазари А., Рябов О. Русский медведь в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново, 2008.
8. Руквишников В. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005. С. 786–796.
9. Орлова О. Г. Дискурсивная теория стереотипа: дисс. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2013. С. 335–337.
10. Романова А. П., Якушников С. Н., Хлышева Е. В., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013.
11. Рябов О. В. Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 195–211.
12. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1.
13. Деловая газета «Взгляд». Электронные данные. Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2014/9/24/707299.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 19.09.2015).
14. Якушников С. Н. Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 263–269.
15. Algarotti F. Lettere sulla Russia // Opere scelte. Milano, 1823. Vol. 3. P. 65.
16. Andrzej de Lazari, Oleg Riabov. Миша и медведь: «Медвежья» метафора России в актуальном политическом и публицистическом дискурсе // Studii de Slavistică. Iași: Alexandru Ioan Cuza. 2008. № 13. P. 19–35.
17. Foucault M. Abnormal: Lectures at the College de France, 1974–1975. N.Y.: Picador, 2003.
18. Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge; London, 1999.
19. Žižek S. Enjoy Your Symptom! Jacques Lacan in Hollywood and Out. New York: Routledge, 2001. P. 136.

References

1. Abramov N. *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy. Chuzhoy*. Ed. by N. Abramov. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999.
2. Vashik K. *Metamorfozy zla: nemetsko-russkie obrazy vruga v plakatnoy propagande 30–50-kh godov. Gudkov L., Kondratova N. Obraz vruga*. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 191–230.
3. Gudkov L. *Ideologemma “vruga”: “Vragi” kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokul'turnoy integratsii. Gudkov L., Kondratova N. Obraz vruga*. Moscow, OGI Publ., 2005.
4. Zhuravleva V. I., Foglesong D. S. *Konstruirovaniye obraza Rossii*, pp. 210–213.
5. Kon I. S. *Sotsiologicheskaya psikhologiya*. Voronezh, 1999, pp. 304–324.
6. Kurnaeva N. A., Ryabov O. V. *Svoi i Chuzhie v identifikatsionnykh strategiyakh intelligentskogo diskursa. Intelligentsiya XXI veka: Tendentsii i transformatsii*. Ivanovo, 2003, pp. 69–72.
7. De Lazari A., Ryabov O. *Russkiy medved' v pol'skoy satiricheskoy grafike mezhvoennogo perioda (1919–1939). Granitsy: Al'manakh Tsentra etnicheskikh i natsional'nykh issledovaniy IvGU*. Ivanovo, 2008, vol. 2 “Vizualizatsiya natsii”.
8. Rukavishnikov V. *Kholodnaya voyna, kholodnyy mir. Obshchestvennoe mnenie v SShA i Evrope o SSSR Rossii, vneshney politike i bezopasnosti Zapada*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005, pp. 786–796.
9. Orlova O. G. *Diskursivnaya teoriya stereotipa*. Kemerovo, 2013, pp. 335–337.
10. Romanova A. P., Yakushnikov S. N., Khlysheva E. V., Topchiev M. S. *Chuzhoy i kul'turnaya bezopasnost'*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013.
11. Ryabov O. V. *Okhota na medvedya: O roli simvolov v politicheskoy bor'be. Neprikosnovennyy zapas*, 2009, no. 1, pp. 195–211.
12. Shtikhve R. *Ambivalentnost', indifferentnost' i sotsiologiya chuzhogo. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 1998, vol. 1, no. 1.
13. *Vzglyad*. Available at: <http://www.vz.ru/politics/2014/9/24/707299.html> (Accessed 19.09.2015).
14. Yakushnikov S. N. *Evolutsiya obraza Chuzhogo na primere evropeyskogo diskursa o vampirakh (O bednom vampire zamolvim my slovo). Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2012, no. 2, pp. 263–269.
15. Algarotti F. *Lettere sulla Russia. Opere scelte*. Milano, 1823, vol. 3, p. 65.
16. Andrzej de Lazari, Oleg Riabov. *Misha i medved: “Medvezhya” metafora Rossii v aktualnom politicheskom i publitsisticheskom diskurse. Studii de Slavistică*. Iași, Alexandru Ioan Cuza Publ., 2008, no. 13, pp. 19–35.

17. Foucault M. *Abnormal: Lectures at the College de France, 1974–1975*. N.Y., Picador Publ., 2003.
18. Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge; London, 1999.
19. Žižek S. *Enjoy Your Symptom! Jacques Lacan in Hollywood and Out*. N.Y., Routledge, 2001. P. 136.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АЛИМЕНТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ¹⁷

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, Татищева, 20а, E-mail: shuilong@mail.ru

Сун Цзе, аспирант, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, Татищева, 20а, E-mail: songjie0322@163.com

В статье анализируется роль алиментарной культуры в сохранении культурной безопасности страны. Учитывая тот факт, что еда является одной из базисных потребностей человеческого существования, легко представить, сколь глубоко пищевые коды укоренены в национальной культуре. С помощью пищевых метафор транслируются многие важные понятия, образующие ядро национальной культурной идентичности. На различных примерах авторы статьи демонстрируют то, как алиментарная культура выступает в качестве инструмента сохранения или разрушения национальной культуры. Особенно это ярко проявляется на примере, так называемого, пищевого империализма, когда осуществляется определенная экспансия ряда пищевых продуктов или блюд. Все это рождает противодействие со стороны населения ряда стран, выступающего против традиции фастфуда. Это, в свою очередь приводит к появлению новых тенденций в национальных культурах, не воспринимающих традиции фастфуда. Это хорошо заметно на примере такого теперь уже международного движения, как слоуфуд, породившего новые тенденции в национальной культуре ряда стран: слоу-наука, слоу-туризм, слоу-церковь и т.д. Но не всегда эта экспансия осознается носителями принимающей культуры. Нередко пищевой код интродуцируется с помощью квазинациональной продукции и квазинациональных образов, что несет угрозу национальной культуре

Ключевые слова: алиментарная культура, еда, культурная безопасность, пищевой империализм, фастфуд, слоуфуд, национальная культура, пищевой код

CULTURAL SECURITY AND FACTORS OF DEVELOPMENT OF NATIONAL ALIMENTAL CULTURE

Yakushenkov Sergey N., D.Sc. (History), Professor, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: shuilong@mail.ru

Song Jie, postgraduate student, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: songjie0322@163.com

The article analyzes the role of alimential culture in the preservation of cultural security of the country. Taking in the consideration the fact, that food is one of the basic needs of human existence, it is easy to imagine how deeply food codes are rooted in the national culture. Using food metaphors are translated many important concepts that form the core of a national cultural identity. With the help of various examples the author demonstrate how alimential culture acts as a tool of preservation or destruction of national culture. This is especially evident on the example of the so-called “food imperialism” with existence of expansion of a certain number of foods or dishes. All of this brings to life a reaction against the tradition of fast food from the population of some countries. This, in turn, leads to the emergence of new trends in national cultures that do not accept the tradition of fast food. This is clearly seen on the example of a modern international movement of “slow-food” that gave rise to new tendencies in the national culture of certain countries: slow science, slow tourism, slow-church, etc. But not always, this expansion is realized by native host culture. Often food code has been introduced with the help of quasi-ethnic products by quasi-ethnic images.

Keywords: Alimential culture, food, cultural security, food-imperialism, fast-food, slow-food, national culture, food codes

Алиментарная культура, являясь базовой частью любой этнической или национальной культуры, представляет собой систему культурных кодов, вокруг которых выстраивается и остальные части культуры. С помощью различных пищевых символов и метафор мы познаем мир, так сказать, «впитывая его с молоком матери». Мы «съедаем с другими семь пудов соли», «заливаем скорбь вином» и считаем, что «хлеб всему голова». Мы идентифицируем свою культуру через еду: «Щи да каша – пища наша», и даже многие сексуальные понятия передаются у нас метафорически с помощью алиментарной символики. Все это и позволяет говорить о важности сохранения пищевых кодов для любой культуры, так как трансляция культурных паттернов и осуществляется с помощью этих кодов.

Поэтому сохранение культуры во многом зависит от того, насколько в полной мере транслируются и усваиваются эти коды молодыми носителями культуры. И наоборот, в том случае, когда происходит сбой

¹⁷ Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».